

О МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ КАК КОНЦЕПТАХ («ЖЕЛАНИЕ», «ВОЗМОЖНОСТЬ» И «НЕОБХОДИМОСТЬ» В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ)¹

Статья посвящена обоснованию важнейшей роли модальных слов в языковом выражении концептов. Эти лексические единицы с ярким модальным и эпистемическим зарядом играют незаменимую роль в выражении модальных значений в любом естественном языке. В примерах представлен материал одного из малоисследованных (в семантическом отношении) языков севера Сибири – хантыйского языка.

Ключевые слова: концептуальность, концепты в языке, лексикология, модальность, модальное значение, модальные слова, хантыйский язык.

Последние два десятилетия когнитивная лингвистика развивается стремительно, включая в изучаемую область все новые объекты. В поле зрения лингвистов-когнитивистов естественным образом попадают такие структуры мысли, как концепты и фреймы [1]. Изначально мы исходим из посылки, что модальные значения можно рассматривать в качестве специфических концептов. Концепт, вслед за известным российским исследователем, мы понимаем как лингвокультурологическую категорию [2]. В то же время видно, что это определение – очень широкое. Поэтому укажем и более узкое понимание, которое мы имеем в виду: концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике». В более широком смысле мы имеем в виду концептосферу текста [3], на уровне которого модальные значения проявляются в полной мере [4].

И. В. Пекарской была выработана оригинальная концепция, и она предпочитает говорить о *принциповой константности концептов* [5]. «Коммуникативное пространство любого социума предполагает наличие прагматически значимых элементов, активизирующих эффективность взаимодействия. Эти реалии находятся в тесной взаимосвязи и системно объединены некими константными категориями, общими для любой культуры и любых культурных областей. Данные константы в век антропоцентрического сознания и восприятия информации актуализируются в так называемые *концепты*» [6].

Развивая данный подход, мы выводим концепты, совпадающие с модальными значениями, исходя из коммуникативной целесообразности и прагматики. Таким образом, в нашем понимании концепты, совпадающие с модальными значениями, – суть константные общечеловеческие катего-

рии, детерминированные прагматикой конкретного языка. Формулируя немного по-другому, можем добавить, что понимаем концепты как некие конструкты, существующие в сознании человека, носителя того или иного языка. Остается добавить, что о концептах мы предпочитаем говорить только в связи с родным языком индивида. Если речь идет о втором языке или иностранном языке, на наш взгляд, следует говорить уже о фреймах (*англ.* frame «рама; остов; каркас»).

Исходя из вышесказанного мы считаем, что, например, идеально подходит под определение концепта слово «желание». В ряде своих работ мы уже рассматривали (правда, под другим углом зрения) модальное значение желания/желательности (см. [7]).

Итак, обоснованность подхода к модальным значениям как концептам покажем на примере значений «возможности» и «необходимости». Лексем, претендующих на главную роль в поле концепта «возможность» (то же можно сказать о концепте «необходимость»), достаточно много, поэтому мы сочли нужным произвести предварительно выявление основных способов и лексических средств выражения этих двух модальностей – концептов. Прежде всего, это лексические и комбинированные (лексико-синтаксические) средства.

Инфинитив + модальный глагол (модальный предикатив)

Этой связкой выражаются значения необходимости и возможности. Инфинитив смыслового глагола (т. е. форма на -ты) является неизменяемой формой. Модальный глагол, как правило, следует после инфинитива.

К модальным предикативам относятся формы 3-го л. ед. ч. наст.-буд. и прош. времени (в том числе отрицательные) глаголов МОСТЫ – быть необходимым, быть должным и РАХТЫ – быть возможным (согласно определенным общественным нормам): *мосл* – надо было, нужно было; *ан мосас* – не надо было, не нужно было; *рахл* – мож-

¹ Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

но; *ан рахл* – нельзя; *рахас* – можно было; *ан рахас* – нельзя было.

Łŭv śi wɛr wɛras «Он это дело сделал» (констатация факта и прошедшее время; употребление формы прошедшего времени, глагол в финитной форме). Введение модального глагола *pākti* «мочь» в той же форме прошедшего времени («первоначальный» глагол).

Łŭw łđŋ śi wɛr wɛrti pākas «Он бы мог сделать (осилить) это».

Alpa, łŭw śi wɛr wɛrti pākas «Наверное, он мог сделать это [в силу своих физических данных]».

Isipa, łŭw łđŋ śi wɛr wɛrti pākas «Вероятно, он бы мог сделать (осилить) это».

Ma pāksum śi χŭwat mŭw oŋaŋa šōtši «Я смог дойти пешком до этого края земли».

Nāŋ pākŋan tām ŋaraś nuχ aŋumti? «Ты сможешь поднять этот ящик?».

Лексико-синтаксические конструкции

Сферу модальности в хантыйском языке обслуживают также лексико-синтаксические конструкции. Их можно разделить на два типа в зависимости от выражаемых модальных значений и структуры.

Конструкции с именными словами

Конструкции первого типа очень часто передают значения возможности и необходимости. Их структуру составляют инфинитив смыслового глагола (с зависимыми словами и детерминантами), абстрактное именное слово и конечное сказуемое.

Хотя именное слово является вполне абстрактным, все же оно сохраняет известную степень лексического значения, функционируя в то же время в сфере «имя существительное как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле слова)».

В качестве стабильного компонента выступает инфинитив основного смыслового глагола (форма на *-ты*), который может иметь при себе зависимые слова.

Относительно переменным является компонент, который в конструкции является главным сказуемым. В качестве главного предиката могут выступать отрицание *анто* – нет, форма бытийного глагола *вол* – есть, *вос* – было, *антом вос* – не было. Отрицательные формы более употребительны в речи, нежели позитивные.

К именному слову с относительно абстрактным значением присоединяются обычно лично-притяжательные аффиксы, выражающие лицо-число субъекта действия. В определенных случаях (при обобщении) этот суффикс отсутствует.

Наиболее употребительными являются следующие именные слова: *щом*, *кос*, *пищ*, *щир*, *кем*, *вер*.

ЩОМ, КОС. Общее значение «сила, хорошее физическое состояние, выносливость». Эти слова являются синонимами, хотя отличаются некоторыми оттенками. ЩОМ обозначает физическое со-

стояние длительного промежутка времени, а КОС – скорее «запас сил (на относительно небольшой отрезок времени)». *Нюр щом-лы питсум* – Совсем бессильным стал и *Нюр кос-лы питсум* – Совсем обессилел (к данному моменту); *Щом ки тайс, вонтан янхас лолн* – Силы если бы имел, в лес ходил (ездил) бы и *Кос-ем тармас ки, на еша ропитсум лолн* – Сил моих хватило бы, если еще бы немного поработал.

При сочетании ЩОМ и КОС с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается возможность/невозможность совершения какого-либо действия, обусловленная физическим состоянием субъекта действия.

Ян-ты щом-ем анто – Ходить сил у меня нет (Ходить не могу); *Мулты лаварт ут ал-ты лув щом-л анто* – Что-нибудь тяжелое таскать у него сил нет; *Вулы лавал-ты холна щом-ем во-л* – Оленей охранять еще силы у меня есть; *Шошийл-ты щом-ем вос ки, юлан хон омассум* – Ходить (на далекие расстояния) силы у меня если были бы, дома не сидел бы я.

Як-ты нюр кос-ем анто – Плясать совсем сил у меня нет; *Нюхи сэвар-ты кос-ен во-л?* – Мясо рубить силы у тебя есть? *Вантэ, лув вулы лаюмн кутар-ты кос-ал анто* – Смотри, у него оленя топором ударить сил нет.

ПИЩ. Общее значение «возможность». В определенных случаях ПИЩ может иметь значение «(некая) странность», что близко русскому сочетанию «странное дело!».

Сесэл нух алумсаллэ. «Тя, на муй пиш, ванкарена потум паннэ. Тами муй пиш; алномла, хуятн ици пунса?» – Силки приподнял. «Ну, что за дела, криво замерзший налим. Это что за странное дело, наверное, кто-то положил?».

При сочетании ПИЩ с инфинитивной конструкцией и бытийным предикативом выражается возможность/невозможность совершения какого-либо действия, обусловленная внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. Внешняя возможность, выражаемая в конструкциях с ПИЩ, не реализуется в узуальном варианте. Эта конструкция используется только в ситуациях актуального действия (применительно к конкретному субъекту):

Хуваниак питса ин амп, ин ухал нух паватта-ты пиш-л антом – Давненько поймана (ловушкой) собака, голову освободить не может.

ЩИР. Общее значение «возможность».

Относясь к той же модальной сфере, что и ПИЩ, это слово имеет, однако, более широкое употребление.

В конструкциях со значением внешней возможности оно также используется в ситуациях актуального действия:

Нын таклана ари-ты, як-ты щир-эв анто – Без вас петь и плясать не можем-мы (мн.); *Ситы сив си сорл, ал йинк таклы вол-ты щир-л антом* – так и засохнет (эта березка), без воды жить не может-она; *Ин ики щи мурта сэнкса, нух лоль-щи нэши щир-л антом* [8, с. 31] – Этот мужчина до того избит был, что подняться даже не мог.

При выражении внешней возможности слово ЩИР употребляется при передаче узуальных ситуаций (т.е. в высказываниях, имеющих обобщающий характер):

Няние такла ипуш на пасана омас-ты щир-эн анто – Без хлебушка даже один раз не сможешь за стол сесть (узуальность определяется контекстом и отнесенностью к обобщенному лицу); *Амп такла вол-ты щир антом* – Без собаки (человеку) жить невозможно (узуальность выражается контекстуально и отсутствием лично-притяжательного суффикса у слова ЩИР).

Но, наряду с внешней, существует еще внутренняя возможность [9].

Конструкция с ЩИР не используется для выражения внутренней возможности, обусловленной умением и навыками субъекта. Она не употребляется также для характеристики субъекта через его возможности совершить то или иное действие. В рамках семантики внутренней возможности эта конструкция уместна, если возможность/невозможность осуществить действие представлена как актуальное состояние субъекта:

И ики щи мурта моша йис, лув саттала шошила-ты, лэ-ты-ящ-ты щир-л антом [8, с. 37] – Один мужчина до того заболел, (что) самостоятельно ходить-пить не может; *Ант хон ланхалум, топ шив вана юхат-ты щир-ем антом. Ма щив хатты мареми косанишак утат ма елпема питлат* [8, с. 43] – Как не хочу (излечиться)! Только туда (к живительному источнику) близко добраться не могу. Пока я туда ползу, те, кто здоровее, меня опережают; *И семлы ики вос. Ропит-ты щир-л антом* [8, с. 49] – Один слепой мужчина жил. Работать не может.

КЕМ. Общее значение «возможность».

Это слово (в модальном значении) формально-семантически соотносится с послелогом КЕМ, который следует за инфинитивной формой глагола, и вся конструкция выражает значение степени проявления действия, степени готовности субъекта к действию (а значит – имплицитно-потенциальной возможности действия):

Шошила-ты кема ювмал! – Ходить начал, оказывается! (о ребенке) (букв. До степени ходить/хождения стал, оказывается); *Хув манас, ван манас, щи холмес-ты кема йис* – Долго шел, коротко шел, и вот пришло время переночевать (до степени ночевки стало); *Пастэкат куши вел-ты кема йисат, велты хулна ан рахас* – мелака, курумн шаклат –

Хоть и пришло время добывать рябчиков (букв. Рябчики до степени добывания стали) добывать еще нельзя было – тепло, тут же испортятся; *Ари-ты кема хулна анта йил* – Не дошел еще до такой степени, чтобы петь.

На примере данной конструкции, (которая может рассматриваться в разделе «Временные полипредикативные конструкции»), можно видеть связь модальности и темпоральности, когда одну и ту же фразу можно перевести синонимичными оборотами; наступило время ходить – приобрел возможность ходить.

При сочетании КЕМ с инфинитивной группой и бытийным предикативом выражается возможность/невозможность осуществления какого-либо действия, обусловленного свойствами субъекта, его способностями, характером и т.п.:

Луват панан то-ты кем анто – Его с собой брать невозможно; *Лэ-ты кем анто: щи мурта атам элал авал* – (Это) есть невозможно: плохо пахнет; *Луп-ты кем анто – атма щи йил* – (Ему что-нибудь) сказать невозможно – сразу выходит из себя (букв. плохим становится).

В этой конструкции не выражается лицо-число субъекта, так как субъект модальной оценки (к которому мог бы относиться лично-притяжательный суффикс) – эта всегда сам говорящий. Субъект предметной ситуации (тот/то, о ком/о чем говорится) выражается формой косвенного падежа.

ВЕР. Общее значение «дело».

Это слово имеет широкий круг употреблений, так же как и глагольная форма *вер-ты* «делать».

Оно употребляется в изъяснительных конструкциях в качестве вершины инфинитивного или причастного оборота, который в предложении выступает в роли подлежащего или дополнения (иногда и обстоятельства):

а) подлежащее:

Вулы лавалты хо ищи ям амп ки тайл, тащ тай-ты вер-л кен щи – Оленевод тоже, если хорошую собаку имеет, стадо охранять дело-его легким (является);

б) прямое дополнение:

Етн лув щата холант-ум вер-лал мунев пугартсаллэ – Вечером он нам рассказал там слышанные им дела (рассказал о том, что он там слышал; или: пересказал то, о чем он там слышал); *Рим лаль хо Манэм эвал-ты вер холтэм ям* [8, с. 47] – Слышать, (что) римский офицер Мне верит – приятно Мне (букв. Римский офицер Мне верить дело слышать-мне приятно);

в) косвенное дополнение (обстоятельство):

Нярем волнта-ты вер-эн-ан ювра ал вера! – В деле обучения ребенка не навреди! *Хошты вер-эна на хуят волнта* [там же] – Тому, что умеешь, другого научи (букв. Уметь делу твоему другого научи).

При сочетании ВЕР с инфинитивной группой и бытийным предикативом могут выражаться некоторые модальные значения:

а) желание совершить какое-либо действие: *Лан-кая ян-ты вер-ем во-л* – В магазин хочу сходить; *Ма амтем катал-ты вер-ем во-с, лув хунтас* – Я собаку свою хотел поймать, (а) она убежала;

б) отсутствие необходимости в каком-либо действии (необходимость выражается с помощью глагола *мос-ты* «быть необходимым, нужным»):

Вошн кев хотн йинк то-ты вер антом, кор аллаты вер антом... – В городе в каменном доме воду носить не надо, печь топить не надо...

Конструкции с предикативными словами

Конструкции второго типа передают различные оттенки значения достоверность/недостоверность, в том числе значение предположения. В их составе выделяются зависимая часть и главное сказуемое.

Главное сказуемое констатирует факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений у говорящего в момент речи. В качестве главного сказуемого в конструкциях со значением достоверности могут выступать предикативные слова различного рода. Наиболее часто употребляются следующие:

ХУРАСУП – «похоже на» (от слова ХУРАС – вид, образ, изображение; ср. ИСХУР – тень):

Йерт питтал ХУРАСУП или: *Йерта йитал ХУРАСУП* – ПОХОЖЕ НА то, что будет дождь; *Палан элумтал ХУРАСУП* – ПОХОЖЕ НА то, что грозовая туча поднимается; *Атумн лавалтэв ХУРАСУП* – ПОХОЖЕ НА то, что нас-мн. ожидают неприятности; *Моша ювмал ХУРАСУП* – ПОХОЖЕ НА то, что он заболел; *Ювра йош хуват мантэв ХУРАСУП* – ПОХОЖЕ НА то, что не по той дороге идем мы (мн.);

НЫЛЫ – «вроде бы; видно; представляется» (по происхождению форма 3-го л. ед. ч. пассива от глагола *НЫ-ТЫ* – виднеться):

Палан йитал НЫЛЫ – ВИДНО, что гроза приближается (вроде бы); *Калтанн ащем лольтал НЫЛЫ* – ВИДНО, что на пристани отец стоит (вроде бы); *Калтан ащем лольмал НЫЛЫ* – Мне ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что на пристани отец стоял (вроде бы);

ПЕЛЫ – «кажется» (в значении типа «или это мне кажется»): *Иайн юхатмал ПЕЛЫ* – (Мне) кажется, что старший брат-твой приехал; *Йерта йитал ПЕЛЫ* – (Мне) КАЖЕТСЯ, что будет дождь; *Палан йитал ПЕЛЫ* – (Мне) КАЖЕТСЯ, что идет гроза.

ЛАМПИ – «вероятно, есть вероятность (большая)»:

Юхатмал ЛАМПИ – ЕСТЬ БОЛЬШАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ, что он приедет; *Яма йитал ЛАМПИ* (о погоде) – ЕСТЬ БОЛЬШАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ,

что (погода) улучшится (хорошей станет); *Яма йитал ЛАМПИ* (о больном человеке или животном) – ЕСТЬ БОЛЬШАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ, что поправится (хорошим станет).

Главное сказуемое, выраженное предикативным словом, является неизменяемым, во временном плане может выражать только настоящее время. При употреблении слов ХУРАСУП, НЫЛЫ и ЛАМПИ выражается более уверенное предположение, чем в случае со словом ПЕЛЫ, которое вносит более сильное значение сомнения. В любом случае главное сказуемое, выраженное предикативным словом, обозначает факт наличия определенных ощущений, мыслей, представлений, формируемых в виде предположения, некоторой возможности, у говорящего в момент речи.

Зависимая часть в рассматриваемых конструкциях обозначает то событие объективной действительности, которое является предметом предположений говорящего. Это событие постулируется на основании определенных признаков (воспринимаемых в основном зрением), логически осмысливаемых говорящим. В составе зависимой части «вершина» занимает конечную позицию. Зависимое сказуемое представляет собой предикативное причастие. Лично-числовые аффиксы (аффиксы «второго разряда» в лично-предикативной функции) выражают лицо (чаще всего 3-е л.) и число субъекта зависимой части: 3-е л. ед. ч. -ал; 3-е л. дв. ч. -ан; 3-е л. мн. ч. -ел.

В составе зависимого сказуемого им предшествуют аффиксы времени, относящие время предполагаемого события либо в план прошлого (-м-), либо в план настоящего или будущего (-т-).

Эта форма зависимого сказуемого одновременно является и выразителем отношений между главной и зависимой частями предложения. В подобном рода конструкциях она выражает значение, эквивалентное русскому сочетанию «то, что». При этом имеет значение и порядок расположения частей: в русском языке зависимая часть следует за главной, в хантыйском – наоборот, и этот порядок согласуется с интонационным рисунком фразы.

Мы рассмотрели лишь часть средств выражения возможности и необходимости в хантыйском языке. Разнообразие способов выражения семантически тонких модальных значений нельзя исчерпать в одной статье. Необходимо продолжить изучение этой малоисследованной сферы хантыйского языка.

Приведенные примеры отчетливо показывают, как расходятся по своей семантике функционирующие в современном хантыйском языке однокоренные слова: глагол *мос-* «быть нужным, быть необходимым» и вводно-модальное *мосаң* «воз-

можно; может быть; может». Но, как показывают нижеследующие примеры, разные значения (в одних случаях – возможность, в других – необходимость) проявляются у одного и того же слова – глагола *рӑх*- «быть нужным» (по необходимости) и «быть подходящим» (по возможности).

Рӑх- – быть нужным; быть близким; быть подходящим, подходить // *рӑхал* – можно; нужно // *ӑн рӑхал* – нельзя; не нужно. Ср. вах. *рӑуат*, тр.-юг., сал. *рӑуат* родной, близкий по родству или свойству; родственник, свойственник // *рӑуат ко* сват (тр.-юг.); *рӑуат пе* сватья (тр.-юг.) [10]. Вӑлла, вӑлла, вантэ, вӑйтантыйлты иси *рахл* [11, с. 38] «Живешь, живешь, а там, глядишь, и встретишься *нужно* (или: встретишься подобает)»; Па си, тут вантсан ки, яя, тут си *рахас* [11, с. 19] «Ну вот же, раз огонь ты видел, старший брат, огонь вот (нам

подходит (т.е. это нам и нужно)»; Там *рахты* хӗмн па хутасьса си вӑл? [11, с. 6] «Этот *близкий* нам человек как-то поживает?».

Но, каким бы ни был путь семантического развития названных слов, в современном хантыйском языке они соотносятся с разными концептами. Модальный глагол *мос*- «быть нужным, быть необходимым» является очень значимым в поле концепта «необходимость», а вводно-модальное *мосаң* «возможно; может быть; может» – в поле концепта «возможность»; слово *рӑх*- в значении «быть нужным» относится к концепту «необходимость», а в значении «быть подходящим» – очевидно, к концепту «родство/свойство». Остается добавить, что высказанное мнение – это лишь предварительное решение, и потребуются дальнейшие изыскания в этом направлении.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Роль человеческого фактора в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. 237 с.; Ungerer F., Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. Lnd & New York: Longman, 1996. XIV + 305 p.; Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.; Стернин И. А. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. М., 1998. С. 55–67; Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive Linguistics. 1999. № 10/1. P. 1–31; Evans V., Green M. Cognitive linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. XXVI + 830 p.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 129.
3. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур художественного текста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113; Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. Белгород, 2009. 280 с.
4. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.
5. Пекарская И. В. Концептосфера «язык» в русской языковой картине мира: опыт системного описания (паремиологическая сфера как отражение ментальности и стиля жизни общества) // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень. Абакан, 2009. С. 104–106; Пекарская И. В. Орнаментальные элокутивы симметрии/асимметрии в языке // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2010. Сер. 5: Вып. 10. Серия 6: Вып. 5. С. 72–73.
6. Пекарская И. В. Орнаментальные элокутивы симметрии/асимметрии в языке // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2010. Сер. 5: Вып. 10. Сер. 6: Вып. 5. С. 72.
7. Каксин А. Д. О некоторых лексических средствах выражения оптативности в хантыйском языке // Linguistica Uralica. 2003. 39. № 2. С. 94–99; Каксин А. Д. Модальный дискурс публицистических текстов в хантыйском языке // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: мат-лы междунар. конф. 19–21 июня 2009 г. / Московский пед. гос. ун-т. М.–Ярославль, 2009. С. 159–162.
8. Библия для детей / На хантыйском языке (казымский диалект). Порвоо, 1996.
9. Темпоральность. Модальность // Серия: Теория функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990. С. 131.
10. Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981. С. 400.
11. Сенгепов А. М. Рассказы старого ханты (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 1998.

Каксин А. Д., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Пр. Ленина, 92, а/я 14, Абакан, Россия, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

A. D. Kaksin

ABOUT MODAL VALUES AS CONCEPTS (“DESIRE”, “POSSIBILITY” AND “NECESSITY” IN KHANTY)

The article is devoted to substantiation of the major role of modal words in the language expressing of concepts. These lexical units with a bright modal or epistemic load play an irreplaceable role in expressing modal values in any natural language. In our examples, we are presenting the material of Khanty – one insufficiently described language (in semantics terms) which is spoken in the North of Western Siberia.

Key words: *conceptuality, concepts in language, lexicology, modality, modal value, modal words, Khanty.*

N. F. Katanov Khakass State University.

Pr. Lenina, 92, mail box 14, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru